

20-го июня 1929 года исполнится ровно три года с момента выхода в свет Организационной Платформы. Определить степень ее воздействия на анархическую среду довольно сложно. В некоторых случаях Платформа была встречена с полным сочувствием и даже с энтузиазмом. В других она встретила оппозицию. В третьих была неверно понята. В четвертых не дошла до сведения анархистов. Успехи, достигнутые Платформой, можно считать великими, принимая во внимание трехгодичный период времени. За этот срок в иных условиях, при исторической обстановке складываются цельные течения, формируются большие политические организации. Однако, если мы примем во внимание тот факт, что анархическое движение во всех странах переживает период острого упадка и застоя и что оно ни в каком другом случае не получило развития и движения вперед, то факт организационного воздействия Платформы на анархическое движение и на отдельных анархистов примет в наших глазах довольно крупное и первостепенное значение.

Так оно и есть. За последние 5 – 10 лет времени Организационная Платформа и вызванное ею движение в рядах анархистов представляют собою единственный положительный практический шаг в развитии нашего движения. Иных мы не знаем. И нет никакого сомнения в том, что если бы основная мысль Платформы была правильнее и полнее понята широкой анархической средой, то результаты ее воздействия были бы значительно шире, глубже, плодотворнее. В настоящей статье мы хотели бы подчеркнуть, комментировать основные положения Платформы, дабы устранить существующие на счет ее недоразумения и помочь интересующимся товарищам разобраться в ее содержании. Это тем более необходимо, что даже товарищи, теоретически и политически более подготовленные, высказывают иногда понимание Платформы, совершенно отличное от ее подлинного смысла. Из имеющихся у нас оценок Платформы мы приводим здесь одну, наиболее резкую и наиболее характерную в смысле ошибочного понимания основных положений Платформы. Вот что пишет товарищ из СССР:

«...Я считаю, что Вы чересчур перегнули палку в сторону организации, партии и т.д. Ваша мысль мне представляется таковой: большевики победили организацией, значит, и мы должны иметь организацию. Конечно, наша армия будет не красной, а черной, наше ГПУ будет не государственное, а что-нибудь другое, наша партия будет не централистская, а вроде федералистической; но армия, ГПУ и партия как-нибудь у нас должны быть. С этим и я, и многие здешние товарищи не согласны. Дело не во внешней победе, которая, может быть, таким способом обретается, а в настоящем приближении к анархизму. Очень ценны Ваши усилия, чтобы выбраться из болота общих мест, использовать опыт последних лет... но я считаю, что Вы поддались соблазну большевизма. Особенно недопустимо то, что Вы пишете о каком-то подчинении профсоюзов, конечно, не как у большевиков, но тем не менее о подчинении. Нет, нет, это все слишком похоже на то, что мы здесь видим. Не хочу и не могу распространяться на эту тему, тем более, что я хотел Вам подчеркнуть вторую часть моей мысли: несмотря на эту неправильную тенденцию, «ДЕЛО ТРУДА» очень и очень хороший, интересный и полезный журнал. Мне нравится его хладнокровная постановка вопросов, разумный тон. Товарищи здесь прямо жаждут его; это их единственная духовная пища, единственный признак жизни, который им показывает, что анархизм еще жив...»

(Письмо товарища П., январь 1929).

Ряд иных товарищей высказывают несогласие с отдельными пунктами Платформы – с пунктом о «производстве», о «защите революции», а некоторые товарищи несогласны с теми или иными терминами, имеющимися в Платформе. Во всех выдвинутых до сих пор против Платформы возражениях нет понимания одного самого важного пункта Платформы – понимания нашего подхода к организационной проблеме и метода ее разрешения. Между тем, понимание того и другого чрезвычайно важно, имеет решающее значение в деле правильной оценки Платформы и всей деятельности организации «ДЕЛО ТРУДА».

Платформа, прежде всего, есть попытка разрешить определенную практическую задачу нашего движения. Эта задача не может быть не замечена всяким, кто не закрывает глаз на современное состояние анархического движения и кто хоть сколько-нибудь беспокоится о судьбах его. Удобнее всего это состояние иллюстрировать примером последних лет. В настоящее время по всему русскому анархическому миру, где мало-мальски сохранился принцип и дух анархизма, идет глубокое возмущение явлением рассветовщины (в С[еверной] Америке) и мистического анархизма (в Москве), выступающих под флагом анархизма. Существует еще ряд промежуточных течений и оттенков, которые подобно рассветовщине и мистицизму, должны быть отнесены в лагерь, ничего общего не имеющий с революционным рабочим анархизмом. Однако, как это ни чудовищно, «течения» эти, наряду с подлинными анархическими течениями, считают себя выразителями анархизма, издают газеты и журналы, в которых обучают массы своему анархизму, и еще совсем недавно, на днях мы были свидетелями того, как рассветовцы, защищаясь от организации «ДЕЛО ТРУДА», завопили о едином анархическом фронте между рассветовцами, малатестовцами, кропоткинцами и т.д.. Единый фронт между полуфашистской, полумонархической группой «РАССВЕТ» и малатестовцами и кропоткинцами! – можно ли додуматься до большего унижения и большего позора для анархизма? Однако позор этот налицо. В ряде номеров «РАССВЕТА» помещены призывы и обращения ко всем анархистам объединиться с рассветовцами для совместной борьбы против «ДЕЛО ТРУДА». Всякий из нас обязан поставить вопрос, – каким же образом мы дошли до такого позора, не до позора объединения с рассветовцами, этого не случилось и, надемся, уже не случится, – а до того, что рассветовщина живет, процветает, треплет и перекрашивает анархическое знамя и даже имеет наглость говорить о едином анархическом фронте, в котором и она займет не последнее место? Каким образом этот позор подобрался к нам? Не мог же он ни с того, ни с сего упасть на нас неизвестно откуда. Были, очевидно, причины в рядах анархического движения, которые его постепенно подготовили. Каковы же эти причины? Вот здесь мы подходим к исходному и основному пункту Организационной Платформы. Анархическая среда всегда и везде была смешанна, хаотична. Возьмем анархическое движение любой страны, и мы найдем в нем ряд групп и течений, каждое из которых имеет свою идеологию, свою тактику и свое направление. Здесь и законченные анархисты-коммунисты, и индивидуалисты, и синдикалисты, и просто хаотики – все признающие и ни с чем несогласные. Весь этот разнообразный и противоречивый элемент создавал многоликую анархическую среду. Среда эта, по причине своего многоличия, а вернее по причине безличия, ни при одном практическом деле не могла действовать солидарно, согласованно. Наоборот, всегда она действовала противоречиво, антагонистично, тем самым сводя на нет практическую работу анархизма. Мы думаем, нет надобности приводить примеры, – которые показывали бы разноречивый состав нашей среды. На практике последних 12–ти лет каждый из нас вполне убедился в этом, а также в том, что наша среда и идеологически, и организационно засорена до последней степени. Большого засорения, чем то, какое имеется, трудно себе представить. При таком положении говорить об «объединении» этой среды, о ее «синтезировании» значит серьезную, ответственную задачу анархической организованности обратить в предмет болтовни, значит фактически поддерживать тот хаос, который в течение двух десятков лет треплет и губит наше движение и который с поражением анархизма в русской революции достиг своего апогея. Если 20 – 26 лет тому назад в русском анархическом движении находились три течения, каждое из которых, с верою в идеал, пыталось разрешить теоретические и практические проблемы анархизма, то, начиная с 1918 года, когда анархизм утерял свои позиции в соц[иальной] революции, у нас почти прекратилась всякая серьезная теоретическая работа анархизма как движения. Зато появилось бесконечное количество открывателей анархических Америк, создателей анархических «теорий» и «фракций». Появился пананархизм, универсализм, биокосмизм, синтез и т.д. Стало, что ни человек, – то фракция. И все это несерьезно, неинтересно, без веры в какую бы то ни было идею. Движение, лишенное общей теоретической и тактической линии, встало под угрозу дальнейшего распыления,

внутреннего и внешнего вырождения. И уже в 1920-1921 гг. можно было предвидеть появление в анархизме иных, более губительных извращений. Мистицизм, рассветовщина, полурассветовщина (в Южной Америке) и прочее явились законными детищами хаотического и упадочного состояния анархического движения. Мы уже отметили, что всякие попытки «объединить» смешанную анархическую среду, «синтезировать» ее, «договориться» и т.д. ни на шаг не подвинут дело вперед. Единственный путь к преодолению хаоса и оздоровлению анархического движения это идеологическое и организационное расслоение нашей среды, это ее дифференциация, это отбор ядра активных работников на почве однородной теоретической и практической программы. К этому расслоению и отбору Организационная Платформа и призвала всех анархистов, желающих серьезно служить анархическому движению. И в этом – одна из главных задач и заслуг Платформы.

«Единственным методом, ведущим к разрешению общеорганизационной проблемы, мы считаем сбор активных работников анархизма на почве определенных идеологических, тактических и организационных положений, то есть на почве более или менее законченной однородной программы».
(Введение к Платформе.)

К большому сожалению, многие анархисты не обратили достаточного внимания на эту основную мысль Платформы. Это тем более печально, что задача расслоения, а вместе с тем и организационного оформления нашего движения стояла перед русскими анархистами еще 20 лет тому назад, в 1907 – 09 гг. Раздавленные в те годы грубой силой царизма, анархисты физически не могли взяться за разрешение этой задачи и не успели даже формулировать ее и поставить в порядок дня. Революция 1917 года застала анархистов в состоянии крайней разбитости, растрепанности, дезорганизованности, когда одиночки–анархисты ощупью подходили друг к другу и заново создавали разбитое движение. Происшедшие затем революционные события потребовали у них немедленного вхождения в эти события. Анархисты ни на одну минуту не поколебались. Величайшему из социальных переворотов – Октябрьскому – они бескорыстно и полностью отдали свои не успевшие организуются силы, но благодаря этому они лишились возможности внутриорганизационного анархического строительства. Лишь когда анархическое движение вновь понесло поражение, на этот раз на фоне социального переворота трудящихся, и когда оно стало тонуть в потоке бесчисленных «теорий» и «направлений», которые после разгрома движения стали расти, как грибы после дождя, – тогда задача идеологического и организационного расслоения нашей среды, то есть очищения ее от всевозможных внутренних и внешних наносов, вновь встала как центральная задача дня. На разрешение этой задачи Организационная Платформа и постаралась обратить и сосредоточить внимание и силы всех активных работников анархизма. В чем состоит расслоение среды и как оно должно произойти? Самым больным и уязвимым местом в анархизме всегда было отсутствие у него общей однородной программы. Никогда поэтому анархисты не выступали перед трудящимися с однородной последовательной проповедью своих идей и практических начинаний. Наоборот, у них всегда выходило так, что то, что сегодня проповедуется одной группой, то завтра в корне отрицается другой. И это не только в мелочах, но в основных тезисах, в вопросах общей политики, в центральных вопросах революции. Некоторые, защищая такое положение вещей, говорят, что в этом сказывается разнообразие идей анархизма. Допустим. Но какой толк от подобного разнообразия трудящихся? Они – страдающие и борющиеся массы – сегодня, сейчас нуждаются в правильной революционной идее, которая привела бы их к освобождению. При этом в идее не абстрактной, а живой, реальной, разработанной и отвечающей на животрепещущие запросы масс, совершающих социальную революцию и социалистическое строительство. А анархисты, когда дело доходит до практики, вместо такой идеи преподносят массам целый клубок идей, в виде ряда противоречивых систем и программ, где великое переплетается с мелким и ничтожным, или же где одно другое отвергает. Вполне понятно,

что анархизм такого состояния никогда не мог и в дальнейшем не сможет стать знаменем масс и их идейным руководителем. Массы чувствуют шаткость противоречивых систем анархистов и инстинктивно сторонятся их. И это несмотря на то, что они в эпохи революций живут подлинно анархической стихией. Нам жизненно необходимо от группового типа работы, когда группы самодовлеют, когда каждая из них проповедует свою идею, ведет свою политику, перейти к более коллективному типу работы, когда группы между собою связаны единством цели и единством тактики и осуществляют некую общую политику, некое общее задание нашего движения. Нам жизненно необходима организация, которая сплотила бы основные силы анархизма, стала бы направляющей для всего анархического движения и взяла бы на себя ответственность за него. Как прийти к такой организации? В этом отношении Платформа также выдвигает вполне самостоятельную идею – идею идеологического и организационного единства движения, идеологической и организационной однородности. Для пояснения данной мысли Платформа привела противоположную идею синтеза. Последние годы «организационная» тема или тема «объединения» стала самой модной у нас. Кто только не говорит и не пишет на эти темы. Нет, пожалуй, такой группы лиц, где бы эти темы не трактовали и не разрешали. Зачастую авторы не замечают того, что ни разговоры, ни статьи об организации ни в какой степени не продвигают дел вперед, больше того – не имеют к этому делу никакого отношения. Потому не продвигают дело и не имеют к нему отношения, что лишены самого основного, самого необходимого, – способа разрешения организационной проблемы. В этом отношении типичной является попытка, вернее мечтание, некоторых лиц объединить в одно целое три течения анархизма – анархо-коммунизм, анархо-синдикализм и анархо-индивидуализм. Авторы этого мечтания, окрестившие его пышным именем «единого» или «синтетического» анархизма²⁰⁵, исходят из того положения, что анархизм в процессе развития разделился на три самостоятельные течения, каждое из которых идет своей дорогой. Но в настоящее время – говорят авторы – нет оснований для такого деления. Все три течения имеют между собою больше общего, нежели разногласий. Поэтому следует стремиться к соединению их в одно и к созданию общей для всех их организации. Тем самым будет разрешена наша внутри-организационная проблема. Эта незатейливая идея была бы совсем хороша, если бы она имела под собой хоть некоторое основание. К сожалению, она построена на тех самых основаниях, на которых строились различные воздушные замки. Вопрос об объединении можно ставить в том только случае, если имеются объекты объединения. Можно было бы говорить об объединении в одно целое различных фракций анархизма, если бы такие фракции существовали. Но где они, эти фракции, и существовали ли они вообще когда-либо? Если существовали и существуют, то каковы их идеологические и тактические различия? В том-то и дело, что так называемые фракции или течения в анархизме есть не более, как те или иные настроения (индивидуализм) или же попытки отдельных групп разрешить по-своему какую-либо практическую проблему (анархо-синдикализм). О фракциях здесь можно говорить отвлеченно, теоретически, ибо их нет как практических единиц. Организационная же проблема стоит перед нами не отвлеченно, а реально, в плоти и крови. Следовательно, говоря об объединении, авторы этой мысли должны бы указать реально, кого и с кем следует объединять и на какой именно платформе. Этого они ни разу не удосужились сделать, и не сделали они этого только потому, что весь их «замок объединения» строился в воздухе, без всякого основания. Фракционное объединение, таким образом, отпадает по той причине, что нет фракций как реальных практических единиц. Остается, стало быть, объединение отдельных лиц, фракционно настроенных, придерживающихся то коммунистического, то индивидуалистического, то синдикального настроения. Это то реальное объединение, к которому сводится вся идея синтеза. Иными словами говоря, авторы синтеза предлагают всем различным и противоречивым оттенкам анархизма находиться в одном объединении, то есть предлагают как раз тот смешанный хаотический тип организации, который издавна существует у нас как явление отрицательное, который не дает возможности нашему движению встать на ноги и который давно осужден жизнью. Теоретическая и практическая

несостоятельность идеи синтеза бьет прямо в глаза. Приведенный пример показывает, сколь недостаточно одного доброго пожелания для решения такой серьезной проблемы, как внутриорганизационная проблема анархизма. Наше понимание организационной проблемы и наш подход к ней совершенно иные. Мы считаем грубой отсебятиной определение анархо-коммунизма как одного из течений анархизма. Анархизм–коммунизм – эта основанная цель, во имя которой анархическое движение возникло в разных странах, живет и развивается и которую оно единственно преследует. Анархический коммунизм – основная цель революционного борющегося труда. Отымите эту цель у рабочих классов, и у них пропадет возможность освобождения. Это столь очевидно, что даже основоположники марксизма – Маркс и Энгельс – вынуждены были признать конечной целью пролетариата безгосударственный коммунизм, правда, переносимый ими в отдаленное будущее, когда государство, по выражению Энгельса, «стихийно отомрет». Как же можно эту конечную цель, эту основу основ анархического и вообще пролетарского движения ставить в разряд течений анархизма, притом на одинаковом уровне с частичными философскими или практическими предложениями, каковыми являются индивидуализм и синдикализм? Подобное понимание могло возникнуть лишь у лиц, которые не отдавали себе отчета в смысле и значении анархического коммунизма. И это произошло главным образом и потому, что анархическая среда не только дезорганизована, но и бесконечно засорена, засорена и идеологически, и организационно. Дезорганизованность влекла за собою засорение среды, а засорение среды – дезорганизованность. В этом порочном кругу наше движение тащится десятки лет. Разве анархическое движение не потому, главным образом, понесло поражение в русской революции 1917 г., что оно оказалось бессильным идеологически и политически сгруппировать массы вокруг идей и лозунгов анархизма? И разве это бессилие не явилось прямым последствием хаотического состояния идеологии, теории и практики анархизма и хаотического состояния анархических рядов? И, наконец, разве весь этот хаос зародился, процвел и укрепился в нашем движении не потому, что движение с самого начала не установило в самом себе определенного программно–организационного принципа – принципа идеологической однородности и тактического единства? Теперь из этого порочного круга надо искать выход, дабы предотвратить дальнейшее разложение и дальнейший распад движения. Объединение анархистов на почве однородной программы коммунистического анархизма является необходимым условием возрождения и укрепления движения. Идеологически и тактически однородная организация (партия) освободит наше движение от грубых внутренних и внешних противоречий, отталкивающих рабочие массы от анархизма, выявит идейную и тактическую мощь анархизма и несомненно сгруппирует вокруг идей и лозунгов его революционную часть рабочего класса и крестьянства. К построению такой организации и призывает анархистов Организационная Платформа. Из сказанного видно, сколь заблуждаются те товарищи, которые говорят, что «ДЕЛО ТРУДА» в вопросе организационном перегибает палку. Надо думать, что эти товарищи не замечают всей опасности нынешнего катастрофического положения анархического движения, не видят его внутренних причин, а также недостаточно внимательно отнеслись к организационным идеям, выраженным в Платформе. Если же эти товарищи отчетливо представляют себе настоящее положение анархического движения, знают причины этого положения и все же не согласны с идеями и методами, высказанными в Платформе и изложенными в настоящей статье, то необходимо знать, что они противопоставляют этим идеям и методам. Что они противопоставляют принципу идеологического и тактического единства, принципу коллективной (взаимной) ответственности? Что они далее противопоставляют методу идеологического и организационного расслоения нашей среды, методу идеологического и организационного отбора? Лишь зная идеи и методы, противопоставляемые нашим, можно будет видеть, о чем идет спор, – идет ли спор о словах или, наоборот, о чем–то серьезно–существенном. И тогда можно видеть, кто правильнее понимает практические задачи анархизма нашей эпохи и кто их правильнее решает. Свое понимание этих задач в смысле идеологическом и организационном мы высказали и находим, что оно является единственно

правильное. Другого, которое бы решало проблему, мы не знаем и не представляем. Перейдем теперь к тем положениям Платформы, которые вызвали возражения, как некоторых традиционных анархо-синдикалистов, так и некоторых антисиндикалистов, – к положению о производстве, о защите революции, о синдикализме и о формах будущей обще-анархической организации. Идея – единого производства, высказанной в Платформе, некоторые товарищи ставят в упрек то, что она противоречит идее децентрализованного производства, которую развивали учителя анархизма. Кроме того, имелись возражения против тех органов управления, которые будут созданы рабочей массой на местах для выполнения организаторских функций в новом, свободном производстве, – против «рабочих советов, фабрично-заводских комитетов или рабочих фабрично-заводских управлений». Этим товарищам кажется, что подобные органы, подобный тип производства отразят не идею анархической коммуны, а идею вольного советского строя, пропагандируемого социалистами-революционерами максималистами. Оба возражения основаны, по-нашему, на неправильном понимании идеи единого производства. Термин единое производство выражает идею общенародного, общекommунистического производства. Новое производство трудящихся – это одна гигантская мастерская, которая технически может быть разбита на ряд отраслей, но которая по существу, по происходящему в ней производственному процессу, представляет собою единый производственный организм. В этой мастерской все производят предметы потребления для удовлетворения потребностей всех же. Рабочие, добывающие уголь, добывают его для нужд всего рабочего класса, а не для себя только; металлисты производят и обрабатывают металл для нужд всей металлической промышленности и всего трудового населения. Рабочие железно-дорожного и водного транспорта обслуживают не себя лишь, а потребности в передвижении всех. И так во всех областях производственного процесса. Общенародный производственный аппарат – фабрики, заводы, транспорт, земля, – не может быть поделен между отдельными лицами или группами лиц. Группа рабочих, работающая на каком-либо заводе, не может сказать, что данный завод принадлежит ей, что вырабатываемые на нем продукты она употребляет только на свои личные нужды, не может по той причине, что подобное отношение к производственной проблеме явится убиением принципа рабочего коммунизма и восстановлением капиталистического принципа частной собственности. Все принадлежит всем. Под всеми разумею, конечно, только трудовые (рабочие) классы. И поскольку рабочие классы отберут у буржуазии экономику, они незамедлительно должны будут установить в ней коммунистический принцип единого производства. Единство вовсе не означает централизм. Наоборот, лишь при установлении единого коммунистического производства самостоятельность масс на местах сможет максимально выявиться. Ибо новое, коммунистическое производство может быть развиваемо лишь волею и организаторскими способностями масс. Термин единое производство противопоставляется нами тому типу децентрализованного производства, при котором средства и орудия производства – отдельные фабрики или соединения фабрик и заводов – находятся во владении отдельных групп и трестов, конкурирующих друг с другом и ведущих политику капиталистического производства – политику конкуренции и личного или группового накопления. При едином производстве децентрализация, создаваемая потребностями производителей или удобствами производства, будет иметь место, но она явится не принципом нового производства, а лишь одной из технических сторон этого производства. Точно так же интеграция труда, то есть сочетание в работнике разных видов труда – фабричного и земледельческого, – в новом производстве может иметь широкое применение, но и интеграция, подобно децентрализации, составит лишь один из признаков нового производства. Основным же принципом этого производства явится идея единства, то есть производственного коммунизма. Ни одно общественное целое не может обходиться без тех или иных исполнительных органов. Должны они быть и в едином коммунистическом производстве. Это – рабочие советы, производственные или потребительские фабзавкомы или рабочие управления. Роль их исполнительная и технически организационная.

Производственные советы, создаваемые рабочей массой у себя на фабрике из участников производства, не будут иметь ничего общего с теми политическими советами, каковыми ныне являются органы государственной власти и в которых руководящей силой являются люди, не имеющие никакого отношения к производству. Для нас совершенно непонятным является возражение некоторых товарищей против технических и исполнительных органов коммунистического производства. Как мы только что заметили, без них обойтись нельзя. Никакой власти, никаких особых прав в производстве они иметь не могут, а будут выполнять технически–организаторские функции согласно общим указаниям масс, выносимым на соответствующих собраниях или съездах. Будут ли эти органы называться рабочими производственными советами или фабрично–заводскими комитетами (что, по–нашему, одно и то же), от этого суть дела не изменится. Следовательно, возражения против названия рабочих органов не могут считаться существенными. Названия всегда могут быть заменены другими, более отвечающими идее рабочего самоуправления. Вопрос не в названии органов коммунистического производства, а в самой идее и системе такого производства. А эта идея и система остаются глубоко коммунистическими. В Платформе высказана попытка наметить ту схему производства, которая явится «первым практическим шагом по пути осуществления анархической коммуны». И, несомненно, если в этой схеме окажутся те или иные недочеты принципиального и практического значения, коллективный ум анархического движения обратит на них внимание и их исправит. Авторы Платформы первые пойдут навстречу этому, ибо их задача не замазывать производственную проблему, а разрешить ее в подлинно анархическом духе. По настоящее время, однако, таких недочетов указано не было. Те товарищи, которые до сих пор высказывали несогласие с этой системой, ничего взамен ее не дали. Это следует рассматривать не иначе, как доказательство того, что и идея и схема производства, изложенные в Платформе, отвечают основным анархо–коммунистическим принципам.

Вопрос об отношении анархизма к революционному синдикализму сформирован и изложен в Платформе достаточно определенно и ясно. Нам думается, что большинство возражений и недоразумений, возникших на почве этого пункта, возможны, главным образом, потому, что спорящие товарищи не достаточно внимательно прочли этот пункт, а главное – не углубились в его содержание. Смысл его чрезвычайно прост: революционный синдикализм является лишь одной из форм профдвижения трудящихся. Он всегда объединял и объединяет рабочих различных политических убеждений. В последние годы революционно–синдикалистская среда всюду расслоилась по идеологическим признакам: вместо единого рабочего синдикального движения наметился ряд различных синдикальных группировок – социал–демократических, коммунистических и анархических. Но синдикализм и в целом, и в виде частичных обособленных группировок не имеет самостоятельного, ему одному присущего мировоззрения, не имеет единой общей идеологии. Наоборот, включая в свои ряды идеологически и политически разнородный рабочий элемент, он неминуемо становится ареною борьбы разных идеологий внутри рабочего класса. Эта борьба происходит даже в кругу синдикатов, образуемых по принципу приблизительной партийности – коммунистических или анархистских. Анархисты входили в движение революционного синдикализма не от нечего делать, а имея в виду определенную цель – привить этому движению анархическую идеологию и анархические методы борьбы. Но в том–то и дело, что как во всех иных случаях, так и в вопросе синдикализма анархисты были не более, как кустарями. Они действовали там одиночками, не связанными между собою идеологически, не имеющими общей программы и потому не могшими достичь поставленной цели – привнесения в синдикализм анархических идеалов и анархических методов борьбы. Деятельность анархистов–кустарей в рядах синдикализма могла иметь известный успех в начальный период развития синдикализма, когда политические партии игнорировали это

новое движение рабочего класса и когда, следовательно, анархисты являлись почти единственной политической силой, стремившейся идейно возглавить это движение. В этот период общие места анархической идеологии и анархической тактики (прямое действие, антипарламентаризм) встретили большое сочувствие в рядах революционного синдикализма. Но сочувствие это не перешло в устойчивую организованность анархического смысла. Этого и не могло произойти, так как анархисты между собой находились в состоянии крайнего идейного и организационного антагонизма. Неплохо, конечно, призывать массу к классовой самодеятельности, к классовой организации и самоосвобождению, но необходимо при этом предъявить требования к самому себе и идею организованности, однородности и единства осуществить прежде всего в своей собственной среде. Тот, кто этого не выполнит, рискует попасть в положение беспочвенных проповедников. Рабочий класс, борясь с капиталом, вынужден осуществлять свою революционную классовую политику, отдельные звенья которой должны находиться в строгой согласованности между собою. И вот до этой политики анархисты, благодаря отсутствию у них организации, никогда не могли подняться и, следовательно, не могли оказывать на нее необходимого идейного воздействия. Мало быть сторонником революционного синдикалистского движения, мало сознавать необходимость активного участия в этом движении, мало также даже войти в это движение и вести в нем работу. Анархистам необходимо иметь еще коллективное, притом четкое, мнение по всем теоретическим и практическим вопросам рабочего движения, необходимо по всем этим вопросам согласовать свою деятельность в движении революционного синдикализма. Отвечали ли анархисты этим требованиям? Никогда. Даже анархо-синдикалисты по преимуществу и те в своем отношении к революционному синдикализму проявляли большую дозу индивидуализма, неустойчивости и неразберихи. Они приходили в ряды революционного синдикализма обычно каждый со своей идеологией, со своей политикой, со своей тактикой, и, естественно, результат их работы, как работы анархистов в других областях, был плачевный. Это целиком подтверждается слабым положением анархо-синдикализма во всех странах. Иного результата, конечно, и быть не могло. Не имея общей организации, общей программы, анархисты-кустари поневоле работали в движении революционного синдикализма индивидуально, в лучшем случае небольшой группой, поневоле в ряде вопросов теории и тактики классовой борьбы они проявляли недопустимое противоречие, которое отталкивало рабочие массы от анархизма. И затем, не имея общей организации, которая стояла бы за ними, анархисты, работавшие в синдикатах, оставались без каких бы то ни было идейных резервов. Места одиночек-анархистов оставались пустыми после их выбытия из рядов революционного синдикализма. От этого слабело и затем сходило на нет все значение производимой ими анархической работы, а за счет этого возрастало значение тех политических течений и группировок, которые пропаганду своих идей в рядах революционного синдикализма вели коллективно, согласованно, в строгом соответствии с основными своими программными и тактическими положениями. Это можно видеть на примере Франции и других стран, где революционный синдикализм в первых стадиях своего развития был проникнут анархической идеологией, а впоследствии, благодаря идейному и организационному разброду и противоречиям анархистов, подпал под влияние государственных партий – социал-демократов и большевиков. Короче говоря, отношение анархистов к революционному синдикализму находилось и находится в состоянии грубого кустарничества. Иным оно и не могло быть, раз анархисты не имели оформленной теоретической платформы и практической организации. И сколько бы современные анархо-синдикалисты ни твердили о необходимости работы в массовых организациях, работа эта дальше мелкого кустарничества не пойдет, если анархисты не оформят самих себя идеологически и организационно. Синдикальная проблема, как она стоит перед анархистами, не может быть разрешена без разрешения нашей идеологической и организационной проблемы. А эта последняя может быть разрешена не теоретическими и практическими усилиями одиночек, а лишь коллективной мыслью и коллективной практикой

организованного анархического движения. Вот к этой коллективной мысли и коллективной практике и зовет анархистов Организационная Платформа. Не о подчинении профсоюзов воле анархической организации идет речь – совсем нет! – а лишь о связи революционного синдикализма с анархизмом посредством общепартийной анархической организации. Ибо лишь при такой связи анархизма с революционным синдикализмом идея и практическая пропаганда анархизма получают в рядах революционного синдикализма свое полное и подлинное выражение, за которое и будет ответственно наше движение в целом. Мы призываем к преодолению анархического кустарничества в синдикализме, к поднятию нашей роли и нашей деятельности в нем на следующую высшую ступень. А это возможно лишь при наличии общепартийной анархической организации, которая единственно в состоянии будет вести идеологически и тактически выдержанную деятельность, притом постоянную, преемственную деятельность вместо случайной, противоречивой, без перспектив завтрашнего дня деятельности отдельных лиц, проводившейся до сих пор в синдикатах. Подход анархистов к рабочему профсоюзному движению меняется и в другом отношении. Десятилетия легального профсоюзного движения привели его к известному окостенению. Большинство профсоюзов Европы и Америки (реформистские профсоюзы, руководимые социалистами) сконструированы на почве сотрудничества с капиталом и в этом отношении до такой степени консервативны, что о реконструкции их, о революционизировании их не может быть и речи. – «В Англии легче свергнуть правительство, чем сменить чиновника союза» – это выражение, приложимое не только в Англии, но и в любой другой стране, отлично показывает степень консервативности и вместе с тем недоступности для революционеров реформистских профсоюзов. Союзы эти и идеологически, и тактически обработаны на роль соглашателей с буржуазией, и, при всем желании анархистов осуществлять единство профсоюзного движения, единство это в настоящее время невозможно. Создание новых революционных профсоюзов, на новой идейной и тактической базе является задачей дня. Лишь этим путем можно создать в общем синдикальном движении новое революционное направление в профсоюзах, по которому пойдет наиболее революционная часть рабочего класса, гибнущая сейчас в реформистских профсоюзах. Группа товарищей, положившая в 1922 г. основание Международному Товариществу Рабочих (анархо–синдикалистский интернационал), поняла эту мысль и встала на путь независимого, нового революционно–синдикального движения. Деятели этого анархо–синдикалистского интернационала могут указать нам на то, что вот, мол, анархическая, притом продуктивная, работа ведется в МТР без наличия анархической партии, следовательно, не так уж необходима эта партия для придания синдикальному движению анархического направления. Подобное возражение является, однако, самообманом. Партия в МТР, как идейно–политическая организация, несомненно есть. Международное Товарищество Рабочих до поры до времени держится анархических положений и анархических лозунгов только потому, что внутри его имеется и ведет последовательную анархическую работу хотя небольшая, но идейно выдержанная группа. Опасным местом для существования МТР является как раз то, что нынешнее идеологическое ядро в нем является как бы случайным, по крайней мере формально. Отомрет это ядро (а оно при отсутствии обще–анархической организации может пасть в силу случайных личных разногласий или прийти в смятение при первом серьезном социальном взрыве), и все дальнейшее развитие МТР пойдет по другим линиям, так как движением навверное овладеют враждебные анархизму идейные группировки. Раз нет постоянной идейно–политической организации, то не окажется идеологической преемственности между одним моментом жизни этого движения и другим его моментом. Подобную катастрофу, и как раз по причине отсутствия идейно–политической организации, пережил революционный синдикализм во Франции и других странах. Смысл нашего предложения состоит в том, что идейное руководство в синдикализме, держащееся на случае, мы стремимся заменить идейным руководством, основанным на принципе.

Наиболее грубые извращения и недоразумения скопились вокруг вопроса защиты революции. Пример грубого, притом сознательного, извращения вопроса дан в «Ответе на организационную платформу», написанном Волиным и К°. Там просто, без малейшего зазрения совести, сообщается о том, что Платформа имеет в виду создать централизованный военный аппарат, которому будут приданы функции политического розыска и которым проектируемая анархическая партия будет бороться с буржуазией и заодно уже подавлять всех прочих, несогласных с нею. Нет смысла останавливаться на «возражениях» подобного рода. Недоразумения же по данному пункту сводятся к тому, что идею защиты революции некоторые товарищи понимают как идею защиты будущего анархического общества от внешних и внутренних врагов силою постоянной армии. Нет мысли ошибочнее этой. Положением о защите революции Организационная Платформа стремилась обратить внимание анархистов на ту огромную силу сопротивления, которая надолго сохранится у эксплуататорских классов даже после их низвержения, и на ту опасность, которую эти классы представят, поведя наступление на революцию. Революции вообще совершаются не армиями, а классами. Победоносная социальная революция может явиться лишь в результате восстаний и напряженнейшей борьбы широчайших рабочих и крестьянских масс. Никакая социалистическая партия не может в этой революции ориентироваться на армию, игнорируя классы. И меньше всего такая дикая ориентация свойственна анархистам. Мы, анархисты, рычагом социального переворота всегда считали и считаем весь восставший трудовой народ. Средством разрушения старого мира мы считаем революционное партизанство, то есть создаваемые по почину самих масс повсеместные добровольные военно-революционные отряды рабочих и крестьян, нападающие на государство и его охрану – армию и полицию. Однако лишь круглые дураки могут думать, что партизанство означает борьбу местных отрядов, действующих куда попало, как попало и во имя какой угодно цели. Подобное представление о партизанстве возможно лишь у лиц, чуждых революционной и политической мысли. Революционный труд подымется на социальную революцию не для того, чтобы бессмысленно расточать свою энергию, чтобы необдуманно выпускать направо и налево свою кровь, а единственно для того, чтобы победить своего векового врага – капитал. В целях этого революционное партизанство должно в высочайшей степени обладать искусством борьбы; оно должно уметь пользоваться методом разлитого действия и одновременно должно уметь действовать общим, сомкнутым фронтом. Успех борьбы в равной мере зависит и от решительности, и от искусства борьбы. Борющиеся стороны должны не только знать тактику друг друга, но и уметь парировать эту тактику. Мы знаем, что в начавшейся гражданской войне буржуазия, при генеральном походе на революцию, прибегнет к высшим методам военного дела – единству оперативного плана и единству общего командования. Помимо многочисленных отрядов местного значения, она создаст общую армию, которая поведет наступление на всю революцию. Было бы роковой непоправимой глупостью, если бы рабоче-крестьянское партизанство не ответило тем же буржуазии: на местный удар буржуазии оно ответит ударом местных партизанских сил; на общий удар буржуазии оно ответит общим ударом объединенных партизанских сил. В той организованной гражданской войне, которую буржуазия будет вести против революционного труда, объединение рабоче-крестьянских партизанских сил абсолютно необходимо, и абсолютно необходимо с их стороны уметь действовать общим фронтом во имя общей военной, а также и политической цели. Подобные общепартизанские операции рабочих и крестьян и имела в виду Платформа, назвав их армейским методом борьбы, а общее партизанское объединение – революционной рабоче-крестьянской армией. Напрасно некоторые товарищи испугались выражения «революционная армия рабочих и крестьян». Как только что было сказано, под партизанской революционной армией разумеется все революционное рабоче-крестьянское партизанство, но партизанство объединенное, спаянное, способное действовать методом общего фронта и общего командования против армии буржуазии. Буржуазию надо бить ее же техникой, ее наукой и,

между прочим, ее методами. На войне часто враг навязывает свою тактику противной стороне. В великой русской революции мы были свидетелями того, как свободное революционное партизанство махновщины в течение трех почти лет держалось методов общих оперативных планов и действовало объединенными фронтами. С другой стороны, мы видели, как контрреволюционные армии Деникина прибегали к чисто партизанским приемам войны, разбиваясь на части и заходя глубоко в тыл противнику, где производили разрушение и дезорганизацию. Подобными партизанскими действиями проявила себя армия деникинского генерала Шкуро на Украине и армия Мамонтова в центральной России. Факты эти лучше всего другого показывают, как различная военная тактика вырабатывается в процессе борьбы, в зависимости от обстановки и от тактических приемов противной стороны. Таким образом, та революционная рабоче–крестьянская армия, о которой говорит Платформа, есть революционное рабоче–крестьянское партизанство, вступившее в вооруженную борьбу с государством эксплуататорских классов и с контрреволюционными наступлениями последних и употребляющее в борьбе методы разлитого действия и методы сомкнутых фронтов. Платформа отчетливо отметила характерные черты этой армии: ее классовый рабоче–крестьянский характер; добровольчество; революционную самодисциплину; и политическую зависимость ее от производственных и потребительских рабоче–крестьянских организаций. Колыбелью, в которой развились идеалы и лозунги социальной революции, является рабочий эксплуатируемый класс города и деревни. В нем и в его революционных организациях эти идеалы и лозунги будут концентрироваться во время социальной революции. Военная защита революции должна находиться в строгой согласованности с этими идеалами, а также с волевыми социально–политическими устремлениями восставших масс. Это и означает для военной силы революции быть в идеологическом подчинении у рабоче–крестьянских производственных объединений и политически ими направляться. Партизанские отряды, которые бы воевали для самих себя, не считаясь с общими политическими решениями рабочих и крестьянских масс и их организаций, представят худший тип партизанства, который мы можем только осудить. Партизанский, добровольческий характер революционной армии рабочих и крестьян указывает на то, что она вызвана к жизни специфическими условиями гражданской войны и что с прекращением этих условий она прекратит свое существование. И на самом деле, революционное партизанство рабочих и крестьян имеет в виду сокрушение государства эксплуататорских классов и защиту революции в период гражданской войны, когда низвергнутые капиталистические классы поведут наступление на революцию. Платформа совсем не касается вопроса защиты будущего анархического общества от внешних и внутренних врагов. Это вопрос совершенно иной, нежели вопрос защиты революции в период гражданской войны. Революционное партизанство в процессе революции и регулярная армия, стоящая на страже сформированного общества, – это «две большие разницы». Критикам Платформы надо понимать все значение этой разницы, прежде чем пускаться в отрицание плана, построенного на данных величайшего опыта русской социальной революции. Авторы Платформы эту разницу отчетливо сознают, поэтому–то они и осветили один вопрос – вопрос защиты революции. Идею защиты будущего, сформированного уже общества силою постоянной армии авторы не включили в Платформу потому, что относятся к этой идее отрицательно, считая ее противоречащей идеалам и принципам анархизма.

Вопрос о форме будущей анархической организации тоже вызвал ряд возражений. Несогласные возражают прежде всего против партийной формы организации. Они утверждают, что идея партии противоречит анархическим принципам организации. Однако этого своего утверждения они не обосновали. Мы считаем, что партийная форма организации ни в какой мере не противоречит анархическим принципам и анархическому духу.

Совершенно неверно и нелепо утверждение, будто партия непременно должна быть властнической организацией, стремиться к власти. Партия есть нечто иное, как союз лиц, исповедующих определенные убеждения и стремящихся к определенной цели. Этой целью не непременно должен быть захват власти. Анархисты всегда выступали против власти, как против одной из причин порабощения трудящихся. Каким же образом они, организуясь в партию, вдруг начнут стремиться к власти? Какова же в таком случае крепость их безвластнических идеалов и тенденций? Очевидно, ничтожная. А раз так, то от них можно ожидать всяческих уклонов в любую минуту, независимо от того, будут ли они организованы в общепартийную партию или в простую группу. В таком случае дело с анархизмом действительно обстоит безнадежно. Мы, однако, того мнения, что безвластнические идеалы и тенденции в нас достаточно прочны. Но как раз не хватает нам здоровой действенной организации, без которой наши идеалы и устремления обречены на гниение в самих себе. В первой части этой статьи мы показали, что такой организацией может быть лишь идеологически и тактически однородный коллектив. Прежние группы и федерации всегда были чужды принципу идеологической однородности. И по сей час старый тип организации является синонимом идеологической путанности и прибежищем хаотического элемента, беспрепятственно входящего в наше движение, командующего там, пока ему не наскучит заниматься анархизмом, и вводящего в заблуждение трудовые массы относительно идей, целей и тактики анархизма. Нам необходимо произвести не только идеологический, но и организационный отбор, отлиться в те организационные формы, которые соответствуют принципу идеологической и тактической однородности и которые, вместе с тем, проводят резкую межу между организованным анархизмом и анархо-хаосом. И мы считаем, что рабочая анархо-коммунистическая партия и по своему содержанию, и по форме более всего отвечает этому заданию. Лишь при таком решительном подходе к организационной проблеме можно надеяться, что мы преодолеем состояние упадка и хронической дезорганизованности нашего движения, выберемся из тупика и пойдем по восходящей линии к развитию и жизни. Анархо-коммунистическая рабочая партия осуществима на основе принципов – единства идеологии, единства тактики, коллективной (взаимной) ответственности и федерализма. Ни один из этих принципов не противоречит анархизму; более того – они находятся в неразрывной связи с практическими задачами, поставленными перед анархизмом нашей эпохой, с задачами построения подлинно пролетарско-классовой, подлинно революционной организации, которая бы неразрывно вязала идеологический фронт анархизма с социальным фондом труда. Идея Исполнительного Комитета партии меньше всего может быть предметом несогласий работников анархизма. Исполком партии, как показывает его название, предназначится для исполнения ряда функций общепартийного характера, не могущих быть выполненными местными органами: издание основного органа, установление и развитие связей между группами партии, идейная и организационная помощь молодым группам, проведение в жизнь многообразных постановлений конференций и съездов анархистов и т.д. Идейное и организационное направление деятельности отдельных организаций, согласно общей идеологии и общей тактической линии партии, должно понимать, конечно, не в смысле поручений или предписаний, а лишь в смысле идейной и организационной помощи, в которой местные, менее подготовленные организации всегда будут нуждаться и которую они скорее всего получают от общепартийного ими избранного исполкома. От этого ни в какой мере не уменьшатся права местных организаций. Исполнительные комитеты или комиссии всегда в том или ином виде имелись в серьезных анархических организациях. Роль Исполкома в Международном Товариществе Рабочих исполняет секретариат МТР. По-нашему, название исполкома предпочтительнее, так как оно лучше выражает идею исполнительности и инициативности. – «Права, обязанности и практические задания Исполнительного Комитета – говорит Платформа, – устанавливаются Общесоюзным съездом». В качестве возражений против Платформы некоторые указывают еще на резкость тона авторов ее в отношении несогласных. Надо различать две вещи: личные

взаимоотношения и служение нашему движению. никоим образом нельзя подходить к общему делу с точки зрения личных отношений. В личных отношениях можно быть мягким и уступчивым, но в деле служения движению необходимы твердость и непреклонность. Лишь при непреклонном служении принципам можно кое-что достигнуть при том хаосе, в котором находится наше движение. Анализ большинства сделанных против Платформы возражений показывает, что эти возражения основаны либо на ошибочности понимания Платформы, либо на намеренном искажении основных идей ее. С последними возражениями нам нет смысла заниматься. Но мы глубоко убеждены в том, что товарищи, искренне бьющиеся над проблемой укрепления и расширения анархического движения, поймут в конце концов не только глубокую искренность замыслов Платформы и положительность ее основной идеи, но и то, что мы никуда не можем уже уйти от этой идеи, раз мы хотим дальше служить анархизму в условиях нашей эпохи. И не будем обманываться: чувствующих и сознающих эту идею, отдающих себе в ней отчет пока немного, ибо сама-то среда идейного сознательного анархизма сейчас не велика. Но именно поэтому эти немногие тем тверже должны пойти навстречу друг другу. Не следует зарываться в мелочи, в детали сейчас, когда на очереди стоит признание основной цели. Коллективный ум нашего движения всегда справится с деталями, раз будет признано и утверждено основное. Тем немногочисленным пока товарищам, которые в муках выносили нашу организационную проблему, где бы они ни находились, следует протянуть друг другу руки, создать цепь и безбоязненно идти на борьбу за основную идею. Обязанность их, – исключительная обязанность момента – приложить все свои усилия на развитие этой идеи в широкой анархической среде, не позволить хаотическому элементу сбить ее с толку. И чем скорее эти товарищи образуют из себя живое, действенное и борющееся ядро, которое с непреклонной волей пойдет к великой цели, тем ближе подойдем мы к разрешению нашей обще-организационной проблемы, тем увереннее и могучее наше движение станет выбираться из трясины на широкую дорогу социальной борьбы, в мир великих классовых битв и затем – в царство победы и свободы.

П.А.АРШИНОВ. Новое в анархизме. (К чему призывает организационная платформа).
Издание «Дело труда». Париж, 1929. С. 2–24.